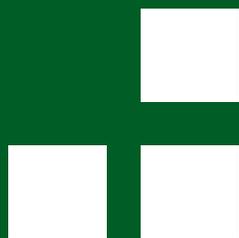

Г Р И Г О
Р И Й К Р
У Ж К О В

григорий кружков григорий кружков григорий кружков григорий кру

НОВЫЕ СТИХИ • НОВЫЕ СТИХИ • НОВЫЕ СТИХИ • Н

Воймега

григорий кружков

НОВЫЕ СТИХИ

Москва
«Воймега»
2008

УДК 821.161.1-1 Кружков
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К84

Г. Кружков

Н59 Новые стихи. — М.: Воймега, 2008. — 80 с.

ISBN 5-7640-0090-4

© Г. Кружков, 2008
© С. Труханов, оформление, 2008
© «Воймега», 2008

I

прощание Белого Рыцаря с Алисой

Секунда, ты ещё не перешла ручей...
Остановись, замри в сиянии полудня —
В ромашковом венке, в короне из лучей...
Чем дальше от тебя, тем глуше и безлюдней.

Не я ль тебя учил как мёртвая стоять
И, что там ни случись, терпеть, не шевелиться.
Что вечности дала промчавшаяся рать?
Разводы на стекле и смазанные лица.

Чем дальше от тебя, тем злей и холодней.
Не знаю отчего. У Смерти много дней,
У Времени — веков, у Зла — тысячелетий.

А ты моей душе была родной сестрой,
Моей зеркальной, послушливой мечтой,
Второй из половин. Не первой и не третьей.

• • •

Что может быть естественней скульптуры —
любой, хоть самой глупой? После многих
забытых — и не надо вспоминать —
попыток стать иной, второй и третьей,
она влилась в изгиб последней формы,
застыла и утешилась. Смотрите,
как счастлива она, — хоть острый взгляд
заметить может напряженье пальцев,
подрагиванье века и в лопатках
желанье почесаться о кору
растущей рядом кособоккой липы, —
но это только мнительность и нервы
прохожего, идущего своей
сомнительной дорогой, а она
уже пришла —

ОДИНОКИЙ

Этот человек гуляет один вечерами.
Он неотличим от других прохожих —
Кеды, куртка, кашне в полоску.
Ходом шахматного коня он обходит доску:
Эту партию он может играть вслепую.
Приближаясь к очередному киоску,
Морщит лоб и достаёт папироску,
Дым пускает и держит её в кулаке, как дулю.

Этот человек гуляет один вечерами.
Сколько лет ему, сколько зим, неизвестно.
Хорошо, что никто не лезет к нему в кастрюлю,
Не проводит пальцем по зеркалу гардероба.
Вечерами — в час, когда тени встают из гроба,
Он выходит во двор, достаёт из кармана пачку,
Огонёк зажигает торжественно, словно свечку, —
И выгуливает свою невидимую собачку,
И пасёт свою заблудившуюся овечку.

МАЯТНИК

Как олово холодное, блестит
Луна над спинами кариатид
В ночном окне, и тишина лилова.

Раскачивает маятник свой диск
С опаской — словно взвешивая риск
Готового уже настать иного.

И ты лежишь, хладея и дрожа,
И ждёшь, как царь — начала мятежа,
Рассветного сигнала и укола,

Когда последний совершится взмах,
Взорвутся мускулы — исчезнет страх —
И Время превратится в Дискобола.

Бирнамский лес

Когда Бирнамский лес пойдёт на Дунсинан,
Лишь форменный барон застынет как баран
И будет пялиться, в упор не понимая,
Не лес ли поглотил становища древлян,
Палаты конунгов, землянки партизан,
Ацтеков города, дворцы и храмы майя?

А ты, подлесок мой, глядящий храбрецом,
С игрушечным в руке упругим копьемом,
С беретом на отлёт кленового фасона, —
Как петушишься ты, зеленокудрый паж,
Как рвёшься отомстить, легко впадая в раж!
О, не волнуйся! Ты — один из легиона.

За вами верх всегда; за нами — только низ;
И бальзамический порою только бриз
Доносится сюда, рукой травинку тронув.
О сладкий фимиам, трепещущий в ноздрях!
Он обнимает всё — бессмертие и прах,
Гниенья аромат и запах анемонов.

И так ли важно знать, навеки взор сомкнув,
Кто отомстил тебе — отчаянный Макдуф,
О коем наплела шотландская сивилла,
Твой давний смертный грех, записанный в гроссбух,
Или сомнения неугомонный дух,
Или гектаров шесть простого хлорофилла?

на рассвете

На рассвете не хочется просыпаться,
так на ложе дрёмно, так тихо в доме...
Андромахе снится прекрасный некто —
может быть, супруг её, мёртвый Гектор,
но легко обознаться.

Спит зегзица в дупле, воробей в соломе.
В этот час козырная приходит дама
к неудачнику — и он ставит на кон
все свои добытые кровью фишки,
проплывает труп мимо чёрной вышки,
во дворе у храма
умывается из рукомойни дьякон.

Крепко спится на рассвете вора́м, бандюгам
и сирени, которую не ломают,
таракану, спрятавшемуся в дырку.
Бог на небе берёт деревянный циркуль
и обводит кругом
этот мир, и в кровати дитё играет.

• • •

Ты из глины, мой хрупкий подросток,
Голубой, неуступчивый взор;
Чуть заметных гончарных бороздок
На тебе различаю узор.

Я — другой, я не слепленный — сшитый,
На груди — самый яркий лоскут,
Потому что твой дурень набитый,
За таких двух небитых дают.

Ты с тревогой глядишь бесконечной
И с любовью, забытой давно.
Обо мне не печалься — я вечный,
Как военной шинели сукно.

Мы с тобой жили-были однажды,
Век пройдёт, и тебя уже нет.
Значит, буду томиться от жажды
Миллионы мучительных лет.

Потому что взята ты из праха
Для земного — всплеск — бытия,
А меня изготовила пряжа,
Бледный лодзинский ткач и швея.

сказка

Что-то в черепе скрипит:
Видно, богатырь не спит.
На полатях без конца
Поворачивается.

Что ты, богатырь, не спишь,
В черепе моем скрипишь?
Ходит чашей круговой
Звёздный ковш над головой.

Что, детина, сердце жжёт?
Конь у тына тихо ржёт;
И все кустики видны
От порога до луны.

ОЛОВО

Кто я — тайный луддит или, может быть, просто лудильщик,
отчего так томит меня жалость к дырявым кастрюлям —
старым, странно похожим на этих забытых людишек,
оловянных солдат в одиноком своём карауле?

«Что такое со мной?» — всё твержу я, бродя лопухами
по задворкам чужим, между полем капустным и свалкой,
и в груди нарастает горячее что-то — не пламя,
а как жар в зольнике: и не горько, не больно — а жалко.

Вот когда я смогу, пред чужою калиткою стоя,
попросить хоть прощенья, хоть хлеба кусок; но достойней
заплатить за прощенье и хлеб оловянной слезою
жестяному ковшу или тазику под рукоймойней.

Хлеб сжую и прилягу в прохладную опаль забвенья
меж окопником синим и шелестом болиголова;
ибо свыше нам велено спаивать всякие звенья
и холодное олово проклято так же, как слово.

• • •

Я столько умирал и снова воскресал —
И под ударами таинственных кресал,
Перегоревший трут, я одевался снова
В эльфийский плащ огня, в халат мастерового.

И я смотрел в костёр, как в зеркало вдова,
И в пепле находил забытые слова,
И вырывал себя из собственной могилы,
Скребя, как верный пёс, когтями грунт застылый.

Я прожил жизнь мою, и к смерти я привык,
Как к шуму времени — сутулый часовщик
Или как пасечник в своём углу весёлом —
К носящимся вокруг шальным и добрым пчёлам.

двойная флейта

памяти С. А. и М. Г.

Слышали жители маленькой цитадели,
как на рассвете в воздухе пчёлы гудели,
или не пчёлы, но в воздухе что-то дрожало,
полнился воздух пеньем какой-то свирели
или стрелы оперённой, чьё горькое жало
жаловалось, не достигая трепещущей цели.
Ноющий звук постепенно затих у постели.
Утро настало.

Видели пастыри мирно дремавшего стада,
навзничь улёгшись на чёрно-мохнатые шкуры,
как над холмами вставала созвездий громада —
арка над аркой — ведя, как за грани кристалла,
в даль, недоступную для человеческого взгляда;
даже и жадное око следить их устало.
Вот и погасли, один за другим, Диоскуры.
Утро настало.

Или и впрямь для того должен череп развиться,
как говорил Мандельштам, «от виска до виска», чтоб
всякий дурак любознательный мог убедиться,
что и с Платоном случается то же, что с каждым?
Или не вздрогнет вселенная вся от крушенья
малой вселенной, что эту, большую, вмещала —
даже с избытком? И нет его, нет утешенья.
Утро настало.

Серое утро. И что ему, утру, за дело,
что раздаётся всё ближе топор дровосека,
что ещё сыплются уголья, что догорела
только что Александрийская библиотека.

Жарят на шомполах воины Улугбека
мясо барашка. Где же ты, о Филомела?
Едешь ли ты через реку, таинственный Грека?
Едешь. И слышу я — флейта двойная запела.

В ЗАЩИТУ МУЗЫКИ

Льву Лосеву

Вем только, встарь говаривал Сократ,
что ничего не вем. И был стократ
он прав, Сократ: увы, мы не вельми
горазды весть, рождённые людьми.
Побольше б нам, собратья по перу,
собравшись у Сократа на пиру,
пить да поменьше языком молоть.
А чтобы веселей прошёл обед,
сыграй, сыграй, миляга Никомед,
какую-никакую нам мелодь!
Твой музыкальный с дырочкой снаряд
не врёт, и лаконический наряд
рабыни привирает лишь слегка;
и змей не врёт — развилкой языка;
и свет не врёт, и смерть,
и створки врат
не врут, когда приходит в город враг;
и ветер в поле не разносит врак;
и эта уморительная плоть
не врёт — нога, рука, желудок — вплоть
до самого последнего прыща,
не врёт и сердце, слева трепеща;
сморкнётся нос или глазок сморгнёт —
ни глаз, ни нос не врут. И только рот,
как титьку бросит в годик или два,
так и пошло: слова, слова, слова.

смерть в Нью-Джерси

По радио передавали джаз.
Синоптик звал на пляж. Предупреждали
О пробках на шоссе. Шеренга книг,
Как водопад, переливалась с полок
На стол и со стола — на пол. Над ними
Луч солнца нависал — широкий, пыльный,
Как потолочный брус. Он всё держал.
Погода соблазняла и шептала...
Зачем же дверь осталась заперта?

Дух лета, залетев через окно
И никого не обнаружив в спальне,
Преследуемый духом любопытства,
Проследовал на кухню. На плите
Кипело кофе. Солнышко в два глаза
Подмигивало со сковороды.
И стол манил, как отдых на Бермудах.
Там на матрасике ржаного хлеба
Лежала загорелая сардинка.
Бокал с ней рядом был слегка пригублен.
Она ждала, она была прекрасна.

Но если бы вам вздумалось пройти
От двери к спальне,
Вы б на повороте
Споткнулись...

дуб над Гудзоном

И. М.

I

Мы с тобою сидели на ветке огромного дуба
Над Гудзоном. Какая-то зелёная дума
Шевелилась под нами, а вверху голубели
Очи Цезаря, казалось, искавшие *causa belli*.

II

Всё сильнее припекало. Нью-Джерси напротив
Был похож на противень с горячим печеньем.
Неизвестный индеец в пироге боролся с теченьем,
И несло по реке разноцветную кучу лохмотьев.

III

Мы сидели на ветке огромного дуба
Со своим самоваром. Ты на блюдечко дула,
Я на блюдечко дул — и взаимная сила
Ветерков остужающих пламень июльский гасила.

IV

И сидела там вещая птица по имени Сирин,
Изучавшая русский язык у московских просвирен,
И глядела на нас подозрительным девичьим оком:
Это кто же такие сидят к ней не прямо, а боком?

V

И на той же на ветке сидели, как цирк погорелый,
Блок, Бердяев, кусачий Кузмин и взлохмаченный Белый;
Самовар наш над бездной гудзонской пофыркивал гордо:
Так вскипает вода в радиаторе чёрного форда.

VI

Я теперь вспоминаю о том Лукоморье турецком,
Как ямщик замерзая на снежном ветру москворецком.
И сквозь сон повторяю упрямо и глупо:
Мы с тобою сидели на ветке огромного дуба...

• • •

докатившись до Парижа
пилигрим огляделся
что дальше
в Лувр он решил
слишком поздно
в смысле суток
в смысле жизни

маленькая площадь
недалеко от Сены
похожая на рыбацкую бухту
в фонтане
омовение ног
на ободке
ловля закатных лучей

• • •

вскидывая рюкзак
на плечи
и борясь с его лямками
как Лаокоон
он подумал
у меня тоже двое сыновей
далеко отсюда

ВНУК

О девушка в метро с потёкшей тушью,
ты, к двери отвернувшаяся тут же, —
не плачь, твоя мечта осуществится
о чистом, добром и прекрасном принце.

Лишь запасись терпением верблужьим,
помайся с чёрствым и бездарным мужем,
с крикливой дочкой и тяжёлым зятем,
стань ведьмою, привыкшею к проклятьям.

И вот, когда и тень надежды минет
и лик старухи глянет из колодца,
тогда-то невозможное — начнётся:

он подойдёт к тебе с охапкой жёлтых
кленовых листьев и тебе протянет
сокровище своё — и засмеётся;

и чёрный лёд в душе твоей растает,
и этого сам дьявол не отымет.

Слова

По ночам — замечали? — слова изменяются дивно,
Они больше не хитрые васи, глядящие в щёлку.
Их зрочки разгораются, как у волка,
Они смотрят на форточку дико и неотрывно.

Они пробираются по карнизам, скатам, изгибам
Крыш — куда-то на место сбора, на место совета.
Трётся шерсть об янтарную палочку лунного света,
И трещит электричеством, и поднимается дыбом.

Слово смотрит на слово, и загорается страстью,
И уже не знает, что было, не помнит, что будет,
Лишь протяжно, надрывно тоскует распяленной пастью
И кошачью башку свою небу подносит на блюде.

А наутро плеснут ему в плошку обещанной дряни
И — не путайся под ногами, босяк, брысь под лавку.
А хозяин — с устатку — весь день промолчит на диване,
На стене созерцая какую-то трещинку или козявку.

старая песня, пропетая вновь

И мы, как Меншиков в Берёзове,
Читаем Библию и ждём.

М. Кузмин

Как Меншиков в Берёзове,
Хочу с тобой сидеть,
На твой платочек розовый
Без устали глядеть.

Душа найдёт компанию,
И что тогда родней,
Чем та избёнка с банею
Да тёмный бор за ней?

Прошли царёвы пряники,
Забудь о них, жена;
Пусть их едят охранники
Казённого пшена.

Пусть звёзды генеральские
Над соснами горят —
Цветы в окошках райские
Нам ангелы творят.

В печи — дрова берёзовы,
Да на столе — свеча,
Да твой платочек розовый
У моего плеча.

художник

С. Любаеву

Я долго к зрению привыкал;
Оно во мне как будто зрело,
Когда в толпе живых зеркал
Я озирался оробело.

Я вырастал, но много лет
В порывах льющегося света
Ещё я видел не предмет —
А облако вокруг предмета.

Как поздно мне открылся мир —
Как будто только я проснулся,
Как будто вправду серафим
Крылом моих ресниц коснулся.

И я теперь, глаза закрыв,
Козу и девочку босую,
Как некий воплощённый миф,
Перстом горящим нарисую!

ШЛЮЗ

сперва это было свечение
разлившееся по паркету
как лужа лунного света
или потоп из ванной

оно поднималось всё выше
подтапливая ножки стульев
потом залило одеяло
подушку и спинку кровати

неведомое прибывало
пронзительнее чем жалость
прозрачней и глубже печали

он ждал как ждёт водолаз
пред выходом из субмарины
пока не заполнится шлюз

и не откроется выход

лебедь

Не люблю я природу, родную природу,
Мне не нравится лебедь, ныряющий в воду
С очевидною целью набития зоба;
Если лебедь с подругой — не нравятся оба.

Птица-двойка, невинного бич ангелочка,
Мне милей; подгреби к ней ничтожная точка,
Плюсик маленький, крохотная запятая —
Лишь зрачком поведёт, никого не глотая.

Двойка мне симпатичней, чем лебедь, — за то, что,
Как душа, с матерьяльного снятая кошта,
Незлюбива, рассеянна и бескорыстна:
Птичка Божия, сущая ныне и присно.

II

• • •

Снег заменяет горожанам горы,
покинутым влюблённым — поцелуи,
неверующим — церковь. В декабре,
покинутые светом, мы живём
замёрзшими личинками сиянья.

Снег — лестница Иакова. По ней
нисходят ангелы, которых любим,
и, с нами побывав,
восходят вновь во тьму над фонарями.

Слепи себе другого человека
и, прутик в руки дав, оставь стоять
перед подъездом — чтобы о тебе
он, как о существе другой природы,
всю ночь, всю ночь томился и горел.

в переулке

Он пал на дно. Его никто
Не любит больше и не гладит.
Он не винит её! Годо
Он ждёт и на газоне гадит.

Свою тоску он пережёт,
И пережил свою невзгоду,
И выбрался на бережок,
Как память вытряхнул, как воду.

Лохмат, одышлив, полусед,
Он часто спит и редко брешет.
И всё глядит на белый свет
И голову ногою чешет.

ЛОМАНЫЙ СОНЕТ

Я встану сегодня утром
и выбегу за газетой:
наверно, прочту в газете,
зачем я живу на свете.

Зачем я живу, как будто —
как будто мне не объясняли
Платон, Лао-Цзы и Будда,
как будто я сам не знаю,
что за морем так же худо.

Живём, словно силой пишем,
кричим, будто в трубы трубим, —
и сами себя не слышим;
и краешком тела любим,
и пёрышком сердца пишем.

• • •

Слуги Чёрного Квадрата
Силой голого числа
Смяли славное когда-то
Братство Круглого Стола.

И взамен природы-дуры
С ветхим Солнцем и Луной
Учредили квадратуры
Гулкий ящик жестяной.

Кто залезет в этот ящик,
Тот найдёт себе урок;
Там лежит свиный хрящик —
Погрызи его, сынок!

Рождество в городе

ярче тысячи солнц сверкает реклама колы
в школах девственниц начинается ночная продлёнка
шире тысячи шин накатанная дорога
ах как рвутся туда где громко и утром ломка

не ходи на болото ночью один там страшно
водородные бомбы взрывают в игорных залах
в переходах собачьи стаи а в тех подвалах
где нас нет подают в бокалах чумные брашна

на огромном экране мечутся заяц с волком
их сменяет толстая тварь в орденах и в бармах
проплывает ведьмочка мёртвая в тихой лодке
по проспекту Калинина мимо свечей фонарных

марсианские хроники ищут воды в аптеках
их присоски шевелятся что-то высчитывая или глотая
валтасаровы пальцы чертят знаки на стенах
но читает их только больной студент из Китая

над вертепом торговли реют морские флаги
где фонарщики ёлки заматывают в моталки
и снуют бесконечно счастливые лотофаги
и шуршат лакированные чёрные катафалки

ОТПЕВАНИЕ

дали свечку с наколотой на неё квадратной бумажкой
и всё время пока шло отпевание тонкая свечка горела
словно дали мне в руки жизнь мою и сказали
я смотрел на огонь — и по трамвайной привычке читал
что написано на бумажке
и рассеянно думал не проеду ли
какая там следующая остановка
муки покой очищение от грехов. Наконец-то
отпевание кончилось служка в чёрном проворно собрал
все огарки
но бумажный квадратик я ему не отдал — утаил. Из какого
он учебника вырезан или сивиллиной книги не знаю

*Время, необходимое на (отрезано)
может быть (отрезано)*

и снова с красной строки

*Время, необходимое на (отрезано)
определяется (отрезано)*

и дальше начало формулы

$t_1 =$

и снова отрезано

две отметины воска по краю
и посередине круглая дырочка
как глазок в женскую баню

невидимка

Он ждёт на ветру — и чуть приоткроется дверь,
Юркнет в щель и спустится по ступенькам.
Он понимает, что его местожительство — Тверь
И всюду требуют деньги.

Посередине подвала подземные короли
Раков рвут, распарены и плечисты,
А по углам, словно крысы в щели,
Кофе пьют какие-то суржики и аферисты.

Невидимка знает секрет, но не откроет его
Ни за миллион, ни за сто миллионов,
Потому что людей — незначительное меньшинство
И повсюду полно наблюдателей из ООНов.

Он не хочет как канарейка в клетке сидеть,
Не желает, чтобы его брат милицейский лапал,
Он набрасывает ручкой на мокрой салфетке секрет,
Быстро комкает и бросает на пол.

Малтус

Утром приходит на рынок товарищ Малтус,
Он покупает в рыбном отделе палтус,
Ждёт, пока продавщица запишет в смету
Новый товар и ответит настырным: «Нету!
Не было. И не будет». Он просит взвесить
Рыбку одну — а ему предлагают десять
В мёрзлом пакете. Тогда он берёт селёдку
И, отходя от прилавка, толкает тётку,
Охает, дверью захлопнувшейся ударен,
Лезет в салон и слышит: «Небось не барин».
Жарит картошку с луком на постном масле,
Видит в окне напротив: открылись ясли —
И заползает в кокон, приняв асфена,
Чтоб там лелеять свои человеконена-
Вистнические идеи. То жар, то знобко.
С улицы слышен вой вразнобой. Там пробка.

рифмач и смерть

Гром в дверь; а шепоток — в висок:
«Ты срифмовал её, ты смог!»
И, рожу скорча, —
О, стыд преображенья в мёд
Слёзы и жёлчи!

Свидетели двойной игры,
Кому открыты все углы
Каморки гнусной:
Как вонь вы вытерпеть могли
Такого сусла?

Свалился б дьявол на лету
В ту скляницу незаперту —
И дым пошёл бы...
Лети ж в двойную пустоту
Души и колбы!

быстрые шахматы

«Кто же судит?» — «Время. Только оно».

И я представил себе старика
с шахматными часами
на Уошингтон-сквер.
Он не говорил, а изрекал,
не советовал, а приводил пример,
и набывчивался, обыгрывая юнцов,
*обречённых таять, как тени,
и умирать.*

Я однажды пошёл
(сам не знаю зачем)
вслед за ним; он пересёк авеню
и свернул на Тринадцатую стрит.
Из подвала раздался сдержанный вой
и на улицу выехал катафалк...
Я стоял у подъезда, где скрылся он,
и рассматривал кипу газет,
вынесенных с мусором из квартир:
часть была на греческом, и ещё —
россыпь каких-то странных значков —
вроде критского линейного письма номер два.
Был там стул колченогий, похожий на трон,
лампа без абажура, изодранный зонт
и рядом — много-много чёрных мешков,
в которых, наверное, лежало то,
о чём не хочется говорить...

— Ах, налейте, налейте мне
стопку вина,
если даже вы не пьёте,
господин поэт,
и возьмите назад,
Бога ради,
ваши слова!

• • •

Something is rotten in the state of Denmark.

Hamlet, I, IV

...подгнило что-то
в паху плода, в той самой круглой ямке,
откуда черенок торчит. Когда-то
он пуповиной был, питавшей завязь,
теперь увял и ссохся. Что-то там
бесперерывно ныло и тянуло,
тянуло вниз.

И догадался он,
что держится теперь не так уж крепко,
что дедушка Ньютон уже улёгся
под деревом и только ждёт сигнала,
чтоб совершилось торжество науки.
Хотя во имя торжества науки
хватило бы простой слезы, слетевшей
по той же траектории, поскольку
явления взаимозаменяемы —
и непонятно, что над чем висит:
меч над Дамоклом или сам Дамокл
над вышесказанным...

ПАМЯТИ ШКОЛЫ

Железнодорожная наша школа сгорела,
как только мы сдали свой последний экзамен.
Всё, что от неё осталось, — огромная груда
мусора, ещё много лет мозолила глаза
проходим, срезавшим дорогу от станции
через школьный двор. Постепенно оседая,
размываясь дождями, зарастая быльём,
она стала похожа на древнее городище.
Люди невольно ускоряли шаг в этом месте,
держась протоптанной стёжки, подалее
от кустов, где копошилась какая-то нечисть.
Наконец — как будто перетёрлась последняя нить —
место расчистили, огородили забором.
Кажется, уже и яму вырыли. Время идёт.
Наша четвёрка давно превратилась в двойку:
Сашка умер от завещанной предками хвори,
Ваня повесился от неизвестной причины.
Дочка его в Америке, а фильмы порой
крутят по ящику. Верно написано в книге:
человек умирает, а ордена его остаются
на лице земли. Так-то так,
а всё-таки грустно. Что скажешь, Колька?

Из Дублинской тетради

1. проводив друга, люблюсь гостиничной гравюрой

Куда меня японский бог занёс?
Тьма за окном, и в раме — чёрный пёс,
Как Мефистофель, ищущий поживы.
Камин под зеркалом — и тот фальшивый.

Друг погостил и отбыл. Сколько мог,
Он скрашивал мой эрмитаж. Дымок
Растаял в сумраке, как дух печали.
Что ж, побреду назад, гремя ключами.

Каким угодно словом назови —
Бес или скука... Псина визави,
Как чёрный Бунин с впалыми щеками.
Прислушайся к дождю. Займись стихами.

Годится лько всякое в строфу.
Что посоветует старик Ду Фу?
Взять в руки цинь? Или взойти на башню?
Или покликать пса, как день вчерашний?

3. зачарованный сад

Я садовником родился,
Не на шутку рассердился...

Загадочный Вьюнок, ты — эльфа колпачок!
Ты — клада гномьего монетка, Маргаритка!
За вами чудится волшебная калитка,
Летучего кота мерцающий зрачок.

В траве беседуют Кузнечик и Сверчок,
Пугает рожками садовника Улитка;
И, обгоняя всех, замашисто и прытко
Порхает по цветам Набокова сачок.

Как я сюда забрёл? И как теперь свернуть
В страну родных осин — скажите кто-нибудь, —
Где прошлогоднее гниёт в сарае сено,

Где в тихом омуте — неведомая жуть,
Где у штакетника — чертополох по грудь
И королевский путь — в крапиве по колено.

4. Гранд-канал утром

Жил один старичок у канала,
Всю жизнь ожидавший сигнала...

Благословим это утро и эту погоду.
Ходит серая цапля по кромке Большого канала,
Зорко всматривается в воду.

Но не ловится рыбка... Если взглянуть с дирижабля,
Всё это предстанет в миниатюре — цапля,
Скамейка и фигурка проснувшегося мизерабля,

Который, щурясь, пересчитывает на газетке
Свои совсем уже неразличимые сверху монетки;
Конечно, это не сдача с роллс-ройса,

Но на сэндвич и пиво хватит. Ещё поройся
В кармане — может быть, найдёшь лишний грошик.
Я когда-то читал про бездомных кошек

И допускаю, что в следующей передрыге
Буду кошкой. Что же, если необходимо...
Между тем в сложенных ладонях бродяги

Возжигается искра. О блаженная первая струйка дыма!

5. вечер поэзии в Тринити-колледж

Гул затих. Я вышел на подмостки...

Б. Пастернак

Сила невежества, собранная в пучок,
невероятна. Знающий себе цену
старый поэт начинает дёргаться как дурачок
в фокусе этих лучей, устремлённых на сцену.

Между прочим, Фелица лучше бы поняла
Филида. Привычка к государственной скуке
и церемонии, вероятно, бы ей помогла
дослушать «поэзии блаженные звуки».

Нет, я не за монархию. И не за
анархию — скорее, за келью,
где можно, никому не мозоля глаза,
предаваться торжественному безделью.

Но если выходит поэт на амвон,
то он уже не таинственный некто,
а застрявший в ушах мушиный звон
или хуже: объект, лишённый субъекта.

Ъ • сижу на скамейке

Ваня + Маша

In memory of Henry and Jane Clark
from their loving children.

Надписи на скамьях

Мысль увековечить человека в скамейке
При всей её дубовости представляется нам
Современной; хотя что-то в этой идейке,
Безусловно, восходит к фараоновым дням.

Впрочем, развитие налицо в ней,
Это совершенно новый товар;
На скамье, несомненно, сидеть удобней,
На пирамиде — я бы не рекомендовал.

Жили мистер и миссис Кларки,
Жарили шварки, растили семью.
Ну и... Теперь вот блаженствуют в парке,
Преобразившись в простую скамью.

Что вы подумываете об этом
Метемпсихозе, Гарри и Джейн?
Что согревает вас пасмурным летом,
Кроме, простите, случайных бомжей?

Дрозд мне ответит, сорока напишет,
Может быть, даже прийдёт бандероль.
Может, подарочек будет там вышит
Крестиком шёлковым — желтофиоль?

Много таких же под клёнами сквера,
Ересь в них — или бессмертья залог?
Фёдоров бы сказал: «Полумера»,
Чаплин бы дрогнул и снял котелок.

7. СЧИТАЮ ДНИ

Тяга домой — это Томаса Гука закон:
Анекдот о французе, который вышел
В Лионе, но подтяжка, зацепившаяся при посадке в вагон,
Дёрнула — и он снова в Париже.

Чую — тянет, потянет. Благодарен дождю,
Который неуклонно заштриховывает, словно картину,
Клетки календаря. И отъезда жду,
Как отмщенья. Невозможно тянуть резину.

Если бы даже никто никого не ждал,
Всё равно мечтаю, чтобы бдительная паспортистка
(Что-то в уме перемножив) грохнула штамп,
А там — сумка, такси и до дома близко.

И ты промчишься по улицам, по которым водили слона,
Но окончательно сердце отпустит, когда лишь
Дверь откроется и кто-то скажет слова,
Которых, сколько ни думай заранее, не угадаешь.

метель

Когда, не гадан и не чаян,
Я в эту комнату забрёл,
Ещё стояла чашка с чаем
И ваши локти помнил стол.

Хозяин был гостеприимен
И, груду хартий потеснив,
Безропотно, как древний Пимен,
В занятиях сделал перерыв.

Окно смотрело в переулок,
Каких несчитано в Москве;
Из принесённых вами булок
Я съел оставшиеся две.

Шёл разговор об Алконосте,
О Блоке, обо всём подряд,
О древних греках — и о гостье,
Ушедшей пять минут назад...

В тот день, как будто в возмещенье
Сиротских нескольких недель,
Внезапно всем на удивленье
Явилась в городе метель.

Бела, тончайшего помола,
Она, счастливая в распыл,
Летела — и глаза колола
Тем, кто и ждать её забыл.

То, словно царская персона,
Перекрывала вдруг шоссе,
В возке старинного фасона
Гоня по встречной полосе,

То, как татарка молодая,
Вникала в дворничьи труды,
Окурки пьяниц заметая
И женских туфелек следы...

Я шёл и думал, что, конечно,
Ни в этом, ни в каком году
За белой пеленою снежной
Следов я ваших не найду.

Зачем же, словно лисьим нюхом
И сколько бы ни намело,
Я чувствую под зимним пухом
Весны мышинное тепло?

Левконоя

Не слушай радио, мой друг:
всё это только содроганье
каких-то виртуальных вьюг,
в которых нет очарованья;

и не допытывай, какой
в газетах львам и козерогам
сулят успех иль непокой;
не должно смертному о многом

знать наперёд. Налей вина
мне и себе — и будем здравы;
пусть взор туманит пелена
душемутильной отравы.

Где Левконоя наша, где?
Молчи. Налей ещё из фляги.
Пусть ищут истину в воде
одни лишь крабы да салаги.

Так, славно! В бренное стекло —
немного пурпурного сока...
Что, право, мне на ум пришло!
Так хорошо и одиноко

не горевать, не говорить —
сидеть и пить вино хмельное
и, как о ласточке, грустить
о легконогой Левконое.

философия деревьев

Среди деревьев тоже нет согласия
Во взглядах на бытийственность природы.

Одни деревья, словно Аристотель,
Указывают сдержанно на землю

Движением повёрнутой ладони;
Другие тычут пальцем, как Платон,

Куда-то вверх. Кто прав? Как погляжу,
Все правы. Но взлохмаченная тучка,

Витающая в области небес, —
Пушинка на аптекарских весах —

Невольно нарушает равновесье.

мечь слаще жизни (Ювенал)

Жалко тех и других — очень тесно,
очень жарко, наверно, и пыльно,
и к чему враждовать, неизвестно —
если даже любовь не всеильна.

Нет, известно — прекрасно известно,
и доподлинно, не понаслышке,
ведь описано всё расчудесно
в той же самой зачитанной книжке.

Это старые Авель и Каин,
но в двухтысячном переизданье,
выясняют, кто в доме хозяин, —
вот какое небес наказанье.

Расставляются прежние вехи,
разделяются той же чертою,
и вливается в старые мехи
человечье вино молодое...

Говорил же философ когда-то:
«Под оливой широкою лягте,
рядом лягте, ягнята и лвьята!»
Но одни проявляли характер,
а другие сердились на брата.

Ничего они не позабыли —
эти дети, обросшие шерстью.
Как засохшее дерево пылью,
это место пропитано мечью.

Никому ничего не докажешь,
никого ничему не научишь.
Лучше вызубрить намертво кадиш
или сделать заранее кукиш.

Персей

Не смотри ей в глаза — в них погибель твоя; но взгляни
В отраженье её на щите. Эта честная медь,
Как сивилла над чашей, покажет тебе без брехни,
Что в упор невозможно, очей не спаливши, узреть.

Твой начищенный щит, весь в царапинах, шрамах, рубцах,
На котором Арес, угрожая, подьёмлет копьё, —
Отразит нестерпимую злобу в горящих зрачках
И развитые змеями чёрные космы её.

Взгляд Горгоны, ударясь в прохладный и твёрдый металл,
Отлетит под углом, Пифагору известным давно, —
Потому что ты столько в походах земных испытал,
Что не ведьминым чарам тебя одолеть суждено.

Над тобой — облака. Под тобою — морей синева.
На пятах окрылённых ты мчишь к Андромеде своей.
Меч у пояса, в сумке — отрубленная голова.
Чёрной ночью её ты целуешь и плачешь, Персей.

читая «Шахерезаду»

Аллах сначала сотворил калам
И записал им — времени хватало —
Всё, что случится с горем пополам
На этом свете от веков начала.

Оставь же попеченья о делах —
Часы твои исчислены, как птицы.
Садись и ешь всё, что послал Аллах,
С расстеленной перед тобой страницы!

III

А
ВЫ
ВСЁ
ТЕ ЖЕ
БРАТЬЯ
ЕГИПТЯНЕ
И ВЕЧНОСТЬ
ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ

вы так же, как современники Тутанхамона. Нет ничего на свете вам дороже заботы о своём бесценном Ка. Библиотеки — ваши пирамиды и переплёты — ваши саркофаги, журналы — погребальные пелены, хвала — тот бальзамический елей, который сохранит вас для потомков, немного сморщенных и пожелтевших, но в целом приблизительно таких же, нелепых и ненужных никому. Увы, вы заблуждаетесь, собратья, ведь образ вечности — не пирамида, а вавилонский столп: чем выше он, тем зыбче, ненадёжней и шатучей. Я говорю вам это по секрету, со всем доверьем, как масон масону, который по кирпичику учился и превзошёл немало этажей. Прочтите тайное моё писанье и отойдите от столпа подальше. Вся мудрость в этом — чтобы отойти

как можно
дальше,
дальше,
дальше,
дальше...

ДУХ ЖИЗНИ

I

Ты, выбравший мой нос,
Как ласточка береговая —
Речной откос,
Шурши, живи, витай, не улетаю!

II

В закатные часы,
Когда так с тьмою слиться сладко, —
Как взмах косы,
Промчись перед моим лицом, касатка!

III

Тобой я только здрав!
С тобою в захолустье мира,
Наследник древних прав,
Я царствую, я — председатель пира.

IV

Блаженный, как Адам,
Из глины твоей слюною слеплен,
Я — словно храм,
В котором некий смутный свет затеплен.

V

Влетай и вылетай
Сквозь окна — там, вверху, под сводом,
Где явлен рай,
Обещанный бесчисленным народам.

VI

Когда же звездочёт
Зло проречёт — и та, что мечет
Костью, не чёт
Вдруг выкинет передо мной, а нечет,

VII

Взлети в последний раз,
В заоблачны стремясь пределы,
И кань из глаз,
Осиротив мой нос похолоделый.

Посеву

Before my pen has gleaned my teeming brain...

John Keats

А тех, самых сочных, молочных, младенческих лет,
Увы, урожай мы не сжали — он сгнил на корню,
Остались нам зёрна холодных и поздних замёт,
Столь чёрствые, что и не впрок и не в радость коню.

Одним лишь птенцам желторотым пристало писать,
Мешая чернила с соплями. А старый ворчун
Пусть носит на вате колпак — что он может сказать
Тому, кто без спросу горяч и без просыпу юн?

Но как колоски собирает на поле бедняк,
Так мы собираем дожитки несжатые лет
И мелем из них — надевая дурацкий колпак —
Такую муку, что белей не бывало и нет.

Мука осыпает ненужный старинный парик,
Венера в аллее стоит, опершись на весло.
Будильник в плешивой поёт голове «чик-чирик»...

Он смотрит на штору и ждёт, чтобы вновь рассвело.

лунное

Что там в небе так чудно круглится?
Это месяц, мой друг, просто месяц.
Посмотри на него сквозь ресницы —
видишь, сколько верёвочных лестниц
он спускает для тех, кто хотел бы,
кто, устав от земного, желал бы
прогуляться сегодня на небо
наподобие белых сомнамбул?

Погоди — ещё тень в подворотне
оказалась всего только тенью,
ещё светит нам вечер субботний
по колодезной щуки велению.
И так пылко, так зыбко сияет
этих звёзд сумасшедшая горстка —
как сугроб тополиного пуха,
подожжённый рукою подростка.

Что сегодня — весна или осень?
Это осень, мой друг, это осень.
Хочешь, мы у прохожего спросим,
что сегодня — весна или осень?
И прохожий, смутившись, ответит:
«Я не знаю... забыл... извините...»
И посмотрит туда, где в зените
что-то греет, хоть холодно светит.

Что-то греет ещё, что-то веет,
как смычок, в этом воздухе ветхом,
и ещё рассыпают нам пенни,
коронуясь, кленовые ветки.

Ну давай ещё малость побродим,
пошуршим этой звонкой листвою,
потолкаемся рядом с народом,
улетающим вместе со мною...

«Играют волны, ветер свищет...»

(На переход Суворова через Альпы)

Специалист по выживанию
в условиях мелкого дождика,
кропящего тротуар и скамейки,
я не понимаю ваших
трансатлантических амбиций
я не собираюсь залезать в эту галошу
с неприлично огромным парусом.

Неутомимый носильщик
асимметричного листика,
зелёного или жёлтого,
я и не подумаю взгромождать
на свои плечи
эту байдарку, похожую на гроб,
из которого выпал покойник;
вы вообще когда-нибудь
оглядываетесь назад?

Вес «пастушьей сумки» —
самое тяжёлое,
что я согласен поднять.
Молоко одуванчиков —
самое горькое,
что я могу претерпеть.
Поливальная машина —
самый страшный кит
на земле.

Кулибин

Шёл Кулибин улицей пустынной,
Вдруг он слышит топ и лай из мрака:
За стопоходящею машиной
Мчится пятистопная собака!

Говорит механик ей с укором:
«Для чего тебе дер фюнфтер нога?
Фир есть для собаки полный кворум,
Фюнф, помилуй, это очень много».

Отвечает странная собака:
«Вифель километр до Калуга?
Хорошо, передохнём, однако,
Что лучше нам понять друг друга.

Кто виновен, если разобраться,
Что должна я жить с ногою пятой?
Ведь на четырёх мне не угнаться
За твоей машиною проклятой!

Нет теперь ни лебен мне, ни либен!» —
Тявкнула — и вдалеке умчалась сучка...
И остался в темноте Кулибин —
Гениальный русский самоучка.

табакерка

Give me women, wine and snuff...

John Keats

Поэт: Не хочу вина и женщин;
Дайте мне стихов понюшку
Из старинной табакерки:
Сразу расчихаюсь в рифму,
Как священник деревенский
На обеде у милорда.
Сладкий воздух деревенский!

Сосед: Что за скверная привычка —
Не любить вина и женщин,
Быть как чёрная сутана
Среди панталон в обтяжку
И жилетов разноцветных.
Чертовая табакерка!

Поэт: Что такое стих? Щепотка
Пыли, едкой и вонючей,
От него в носу щекотка.

Сосед: То ли дело рюмка водки,
Трепыханье юбки женской;
Летний день такой короткий.

Оба: Чертовая табакерка!
Сладкий воздух деревенский!

Одни на целом свете...

Одни на целом свете,
На травке голубой,
Как ложечки в буфете,
Лежали мы с тобой.
И Данта вёл Вергилий
Подземною тропой.

Он повернул направо
И подошёл туда,
Где глинистая яма
И чёрная вода...
Твоя рука блуждала
Вслепую, без стыда.

«Взгляни, — сказал Вергилий
И вытащил на свет
Из известковой гнили
Обглоданный скелет. —
Они на свете жили,
Но их на свете нет».

Пегас

А коли ты поэт, то вздрогни и заметь,
Когда ты в комнату вошёл уже на треть,
А прочее пока осталось в коридоре;
Не надо правду врать, не надо сказки петь
Да притчи сказывать, по-старому гуторя, —

А надо потакать лишь прихоти нагой,
А надо на горе стоять одной ногой,
Другую же, подняв, не опускать, покуда
Не прилетит к тебе пламеннокрылый конь
И явное в душе не сотворится чудо.

...Но прежде чем взлетать за тучи, не спеши —
Но спешься заново и в двойственной тиши
Скребницей обойди коня крутые боки,
И гриву буйную на пряди расчеши,
И бережно погладь его худые щёки.

Куда, зачем лететь вам с шашкой наголо?
Охолони, разгладь упорное чело
И, дорожа своим рассудком и здоровьем,
Пусти коня на луг, стацив с него седло,
И пусть тебе оно послужит изголовьем.

о летающих трапециях

Как странно, что трапеции летают! —
Но лишь на первый взгляд, а на второй —
Чего ж им не летать, когда всё небо
Похоже на таблицу умноженья?

Квадраты, треугольники, круги —
Их словно уток в воздухе осеннем...
И кличут и зовут...

Попробуй тут

Не полети, когда в ушах гремит,
Как на турецкой свадьбе? Поневоле
Вздохнёшь и полетишь, ещё робея...

• • •

Говорили: грядёт, и она настала;
Может быть, вам, друзья, показалось мало?
Может быть, вам она показалась серой
По сравнению с прежней, ушедшей эрой?

Ничего не серой. Какие краски
На рекламах шампуня — протрите глазки.
Надо думать, что думают в банке деньги,
А не то, что юнга на бом-брам-стенге!

Время — этот просёлочная дорога,
На которой встречаем мы Носорога.
И не надо его щекотать под брюхом,
Если даже и впрямь он из нищих духом.

Так поешьте новых, полезных клеток,
В штамповальный кружок запишите деток.
Но не рвите жил, хлопоча о малом,
И — читайте книжки под одеялом.

песенка

Не вороши лапши, развешанной
Вокруг тебя, не вороши —
И ярых пасквилей как бешеный
Противу власти не пиши.

Не надо нападать на кесаря,
Оспаривать его почёт —
Не жаловаться ведь на слесаря,
Что кран течёт, что кран течёт.

А кран течёт, и с неба капает,
Кружатся листья у виска —
А что в тебе ещё тоска поёт,
Пускай она поёт, тоска.

Не жди чудес от слова праздного
И не стремись в поводыри —
А бойся только неба красного
В часы заката и зари.

беременный ангел

(Приятная эклога на небесах)

Первый ангел

Мне кажется это уж месяца три,
Что что-то во мне появилось внутри.

Второй ангел

Из чистого света мы все созданы,
Сосисок не просим, не носим штаны.

Первый ангел

Мне зябко, мне страшно, всем телом дрожу,
Мне кажется, ангел, я скоро рожу.

Третий ангел

Товарищ, товарищ, не надо родить,
Уж лучше в капусте детей находить.

Четвёртый ангел

Вот склянка с бальзамом, испей из неё,
И всё рассосётся несчастье твоё.

Первый ангел

Не надо мне склянки! Пойдите вы прочь!
Я знаю: родится прекрасная дочь.
Надеждой России её назовут;
Окончив родной областной институт,
Догадлива сердцем, любезна, умна,
Народной избранницей станет она.

Из губок приятных приятная речь
По праздникам будет из ящика течь.
Изглядятся шрамы раздоров, обид,
Русак и татарин, калмык и джигит —
Посадят деревья, устроят завод,
Почтят стариков, приголубят сирот.
Всё станет по чести решать, по душе
Посланница неба в земном шалаше.

*Второй, третий
и четвёртый ангел (вместе)*

Спокойся, мы верим: права ты во всём.
Поспи! Мы компоту сейчас принесём.

Конец

• • •

Привет вам, новые ворота!
Люблю порой на вас смотреть,
Люблю порой и с разворота
На вас башкою налететь.

Промчится ветер, хладом вея,
Повянут листики травы...
А вы год от году новее,
Год от году страннее вы.

содержание

I

Прощание Белого Рыцаря с Алисой	5
«Что может быть естественней скульптуры...»	6
Одинокий	7
Маятник	8
Бирнамский лес	9
На рассвете	10
«Ты из глины, мой хрупкий подросток...»	11
Сказка	12
Олово	13
«Я столько умирал и снова воскресал...»	14
Двойная флейта	15
В защиту музыки	17
Смерть в Нью-Джерси	18
Дуб над Гудзоном	19
«Докатившись до Парижа...»	21
«Вскидывая рюкзак...»	22
Внук	23
Слова	24
Старая песня, пропетая вновь	25
Художник	26
Шлюз	27
Лебедь	28

II

«Снег заменяет горожанам горы...»	31
В переулке	32
Ломаный сонет	33
«Слуги Чёрного Квадрата...»	34
Рождество в городе	35
Отпевание	36
Невидимка	37
Малтус	38
Рифмач и смерть	39
Быстрые шахматы	40

«Подгнило что-то...»	42
Памяти школы	43
Из Дублинской тетради	
1. Проводив друга...	44
2. Дивлюсь на мемориал Йейтса...	45
3. Зачарованный сад	46
4. Гранд-канал утром	47
5. Вечер поэзии в Тринити-колледж	48
6. Сажу на скамье	49
7. Считаю дни	50
Метель	51
Левконоя	53
Философия деревьев	54
Месть слаще жизни	55
Персей	57
Читая «Шахерезаду»	58

III

«А вы всё те же, братья египтяне...»	61
Дух жизни	62
Лосеву	64
Лунное	65
«Играют волны, ветер свищет...»	67
Кулибин	68
Табакерка	69
«Одни на целом свете...»	70
Пегас	71
О летающих трапециях	72
«Говорили: грядёт, и она настала...»	73
Песенка	74
Беременный ангел	75
«Привет вам, новые ворота...»	77

дизайн серии и макет:

С. Труханов

корректор:

О. Тузова

редактор серии:

А. Переверзин

издательство «Воймега»

e-mail: voymega@yandex.ru

Воймега